АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'16

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-39-46

КОРРЕЛЯЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ И МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ – ОТСУТСТВИЕ И ОТРИЦАНИЕ

Т. Л. Верхотурова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Введение. Традиционно изучаемые в философии категории попали в сферу интересов лингвистов с развитием когнитивных исследований в области языка, мотивированных тем обстоятельством, что когнитивный процесс формирования категории завершается приобретением ею имени. Среди различных типов категорий, релевантных для когнитивных штудий, обнаруживаются онтологические и модусные категории, некоторые из которых формируются и функционируют во взаимной корреляции.

Цель статьи – статья посвящена анализу характеристики онтологической категории отсутствия (с сопутствующим концептом) и выяснению функциональной взаимозависимости отсутствия и модусной категории отрицания на материале русского и английского языков.

Результаты и обсуждение. Концептуально-семантическая деривация в области научной терминологии привела к появлению у философского понятия «онтологический» значения, которое возникает в контексте понятия «категория». Научное терминологическое словосочетание «онтологическая категория» заняло весьма прочные позиции в методологии лингвистических исследований. Определение «онтологический» в лингвистике характеризует такой тип категорий, которые вычлениваются из общего континуума человеческого бытия (языковой картины мира). Отсутствие относится к сфере онтологических категорий более общего, абстрактного класса (процессы, состояния, качества, объекты и т. п.). Соответствующий концепт «отсутствие/absence» является универсальной и абстрактной структурой знания базового человеческого опыта. Хотя словарные дефиниции имен концепта *отсутствие* и *absence* отличаются чрезвычайной обобщенностью, контекст употребления этих имен позволяет выделить доминантные признаки концепта, указывающие на родственные фундаментальные концепты, среди которых обнаруживается и отрицание, представляющее собой модусную категорию (модусный концепт). Модусные концепты существуют совместно с концептуальными областями своего определения, т. е. являются вторичными концептами. «Пустота» концепта отрицания объясняет его встроенность в концепт отсутствия, совместно с которым он представляет единое знание.

Заключение. Проведенное исследование позволяет пролить свет на специфику взаимодействий онтологических и модусных категорий. Оно может быть использовано для разработки теоретических курсов по когнитивным исследованиям языка, лексикологии, спецкурсов по лингвистической концептологии.

Ключевые слова: онтологическая категория, модусная категория, отсутствие, отрицание, концепт, функция и структура концепта.

Введение

Исследуя в языке модусную категорию отрицания и сопутствующий ей концепт «отрицание», Н. Н. Болдырев выявляет в его структуре ряд основных смысловых характеристик, и среди них – *отсутствие* [1, с. 14]. Думается, что эту смысловую характеристику стоит рассмотреть в качестве самостоятельной категории.

Категории – наиболее общие философские понятия – традиционно использовались для формулирования и развития философских теорий, но в современном языкознании они все чаще попадают в фокус интереса лингвистов. Философские трактовки категорий сводятся в основном к тому, что это в высшей степени отвлеченные понятия познания че-

ловеческой реальности и самого способа познания. Распространено также определение категорий как общих понятий, образующихся в результате абстрагирования от предметов (вычлениваемых сущностей любой природы) и их особенных признаков. Всякий раздел философии изучал свои собственные категории, например: красота (эстетика), добро, мораль (этика), бытие, действительность, дух, сознание (онтология/метафизика). Впрочем, уже давно и отчетливо обозначилась мысль, что «все категории, даже те, которые по традиции относятся к универсальным, философским, логическим, должны получить языковое выражение» [2, с. 71].

Всеми признано, что Аристотель был первым философом, который в своих сочинениях впервые

разработал понятие мыслительных категорий, рассматривая их в рамках суждений (в предикатной или предметной функции). Для этой цели он должен был сопоставлять содержание высказывания о конкретном сущем с самим сущим. Такое соотношение, с точки зрения лингвиста, должно означать следующее: мыслительные (или мыслимые) категории, независимо от обыденного или научного контекста их употребления, в принципе выделяются и определяются в языке. Э. Бенвенист приводит убедительные доказательства того, что категории Аристотеля по природе своей *apriori* являются языковыми: «В той степени, в которой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить» [3, с. 111]. Поэтому категории (наравне с концептами) естественным образом вошли в область пристальных интересов (когнитивной) лингвистики: для языковеда категории – это «результат взаимодействия... основных познавательных процессов» [4, с. 5], оформленные в языке феномены и сущности [5], т. е. приобретшие **имя** (выделено в оригинале. – Т. В.), и вне словесного означения категории как таковой не существует [6, с. 307].

Распространение понятия категории в языковедческих исследованиях, особенно в когнитивной лингвистике, мотивировало необходимость решения ряда проблем: как образуются и эволюционируют категории, каковы структура и организация различных категорий и, наконец, потребность в их типологическом (классификационном) изучении (см. подробно в [7, 8]).

Следует отметить, однако, что лингвистическое метапонятие «категория» успешно закрепилось в контексте языкознания с давних пор. Такие метапонятия охватывают категории лексические и грамматические, текстовые категории, семантические категории и т. п. Их можно именовать категориями лингвистическими, они представляют собой аналитические инструменты, используемые при изучении языка как объекта, т. е. естественного языка. В естественном языке – языке первого порядка – выражаются, объективируются естественно-языковые категории, являющиеся элементами обыденной картины мира. В сферу наших интересов входит категория «отсутствие» из области естественного, обыденного языка, где она представлена среди других онтологических категорий, хотя это не исключает ее функционирования в качестве метапонятия при анализе и интерпретации лексической и грамматической семантики. Представляется, что эту категорию едва ли можно рассматривать в ряду модусных, осуществляющих в языке функцию интерпретации, таких, например,

как отрицание и кажимость [1, 4, 9]. Ниже более детально будет определяться обоснованность «диагностирования» отсутствия в качестве онтологической категории.

Методология изучения категорий различной природы

1. *Онтологические категории.* Понятие «онтология» и производное «онтологический» заимствованы лингвистикой, как это известно, у философии. Также общеизвестно, что на современном этапе развития философской мысли онтология повсеместно определяется как учение о бытии. В самом общем и отвлеченном смысле лингвистическая онтология понимается как учение о бытии и сущности языка (см. подробнее в [10]).

Придя в языковедческие тексты, значение этого понятия получило большую смысловую конкретику и метонимическое смещение. «Грамматическая категоризация отражает **онтологию самого языка** (выделено мною. – Т. В.), деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций» [11, с. 56]. В контексте вышеприведенной цитаты понятие «онтология» не означает научной теории или дисциплины, значение этого слова здесь указывает на то, что характеризует сам язык в его бытии и со всеми его фундаментальными свойствами. Очевидно, что в данном случае реализуется часто наблюдаемое явление семантической деривации в сфере научно-терминологической лексики. В качестве наглядного примера можно сравнить такие пары значений у терминов *фонетика, грамматика, семантика*: фонетика: 1) раздел языкознания, изучающий звуки языка и 2) звуковой строй языка, изучаемый фонетикой, входящей в номенклатуру лингвистических дисциплин; грамматика: 1) раздел языкознания, учение о строении языка и т. п. и 2) описываемый совокупностью грамматических правил формальный строй языка; семантика: 1) теория значения языковых знаков различной природы и 2) уровень смыслов и значения единиц языка, изучаемый в рамках семантики как теории значения.

Лежащая в основе подобной семантической деривации метонимия является весьма распространенным феноменом, обуславливающим характерную для терминологических аппаратов концептуально-семантическую «подвижность», эволюцию. Эволюционная смысловая динамика коснулась и термина *онтология*. Ср. также: название главы *Language and Ontology (on construing a universe)* в работе [12, с. 311], в которой Т. Гивон (как это следует не только из названия, но и из содержания главы) предпринимает попытку изучать языковые

факты о том, как организм человека истолковывает/интерпретирует (*construes*) свой универсум (свое мироздание), онтологию как действительность, бытие, реальность, возникающую в опыте (*An Ontology of Experience in a Universe of Time* [с. 320]; *The Ontology of Experience in a Spatiotemporal Universe* [с. 329]; *The Ontology of Causation and Agency* [с. 338]). Много в языке объясняется картиной мира, которая опирается на онтологию [12, с. 4]. Онтологическими называет автор также свои заключения (*ontological conclusions*), так как они характеризуют структуру универсума (*the structure of the universe*), который в свою очередь изучается современной физикой [12, с. 352]. Из этого можно заключить, что понятие «онтология» в когнитивных исследованиях языка становится близким по смыслу к понятиям «действительность», «реальность», «вселенная». Онтология в таком случае возникает как результат когнитивной интерпретации «другого» универсума. Этот другой универсум предположительно находится за пределами или до восприятия, до когнитивной переработки, до истолкования (*construing*), иначе говоря, в хаотичной и произвольной вселенной [12, с. 318]. Такого рода «объективная реальность», в которой человеческий опыт не произвел когнитивной операции различения, расчленения (категоризации), называется в работах У. Матураны (см., например: [13]) субстратом (*substratum*), гипотетическим конструктом, который он противопоставляет человеческой реальности, т. е. той онтологии, которая оформляется в языке.

В теориях российской науки о языке это понятие соприкасается в смысловом отношении и даже приравнивается к понятию «языковая картина мира»: «Применительно к семантике и структуре естественного языка **онтологией** мы называем не то, что обретается „за окном“. Ею для нас является то, что **конструируется** (выделено в оригинале. – Т. В.) языком (а также при участии языка, его носителями и нами, лингвистами) в этом „законном“ пространстве» [14, с. 255]. Это означает, что определение *онтологический* (производное от термина *онтология*) в языковедческом контексте должно означать: «относящийся к онтологии, т. е. действительности, реальности, в той форме, в которой ее «конструирует» язык человека. См., например «...онтологический статус наблюдателя как субъекта априорного, «доязыкового» восприятия проявляется как содержание обыденного сознания языковой личности, т. е. в виде объективированной в языке – в эксплицитной лексической семантике – совокупности знаний/верований/представлений о наблюдателе» [15, с. 12]. Онтологические категории более общего класса (процессы, состояния, качества, объекты и т. д.) или обладающие конкрет-

ными характеристиками (течь, лежать, красный, дерево и т. д.), в отличие от модусных категорий, вычлениваются из общего бытийного континуума как фрагменты (природные объекты) картины мира естественного языка посредством лексической категоризации.

«Отсутствие» не является культурно значимым концептом подобно западным общекультурным, мировоззренческим, эстетическим или этическим концептам, например: прекрасное, безобразное, красота, совесть, зло, добро и т. п. Такие концепты характеризуются ярко выраженной ценностной составляющей. Однако не все концепты имеют ярко выраженную культурно-ценностную составляющую. Как раз к таким концептам относится концепт «отсутствие/absence». Он представляет собой лексический онтологический, универсальный, довольно абстрактный концепт. Универсальные (абстрактные) онтологические концепты, такие как «существование», «отсутствие», «присутствие», «расстояние», «обладание» и т. п., находят выражение во всех культурах, принадлежащих западной цивилизации. Для них не характерна (почти не характерна) ассоциативно-образная аксиология, зависящая от культуры; они вследствие этого, скорее, представляют собой понятия или весьма близки к ним. Универсальные концепты функционируют как структуры знания, представляющие фундаментальные категории общечеловеческого опыта, не подвергающиеся (слабо подвергающиеся) этнокультурной авторизации, воздействию, обработке. Они обнаруживаются в любой культуре, хотя и у таких концептов (с точки зрения З. Д. Поповой и И. А. Стернина) может быть незначительная национальная специфика [16].

Как и всякая категория, «отсутствие» предполагает наличие своего концепта, который манифестируется в картинах мира русского и английского языков, в первую очередь именем концепта. Для выявления семантического содержания лексической единицы, функционирующей в качестве имени концепта, обращаются к лексикографической информации, исследуя структуру ее дефиниций.

Были получены следующие данные в результате анализа словарных толкований¹ лексических единиц *отсутствие* и *absence*. Так как «отсутствие/absence» представляет собой онтологический достаточно абстрактный и универсальный концепт, весьма трудно идентифицировать в дефинициях имен концептов родовое понятие (таксон, центральное, ключевое слово толкования). У концептов чувств или эмоций, например, это всегда понятие «эмоция» или «чувство»: *ненависть* – **чувство**

¹ Были рассмотрены пять толковых словарей русского и пять толковых словарей английского языка. Список прилагается в конце статьи.

сильнейшей вражды, неприязни, ср. в английском: *hatred* – a very strong **feeling** of dislike for sb/sth. Хотя концепты эмоций также рассматриваются в сфере абстрактных концептов, однако степень и своеобразие абстрактности у «отсутствия» (чего-либо, кого-либо) и «эмоции» явно различны: слишком различные ситуации и типы отношений могут входить в категорию отсутствия.

В русскоязычных словарях слово *отсутствие* чаще всего толкуется посредством изрядно расплывчатых выражений и (или) синонимических подстановок: 1) положение дел, когда нет в наличии кого-либо, чего-либо; 2) положение дел, когда кто-либо, что-либо отсутствует; 3) неявка; 4) нахождение кого-либо в данном месте или в данное время; 5) несуществование, небытие, небытность; 6) не иметься в наличии; 7) не быть в данном месте. В целом обычно выделяются два значения: «положение дел, когда нет в наличии кого-либо, чего-либо» и «положение дел, когда кто-либо, что-либо отсутствует». Второе значение явно представляет собой словообразовательное определение, попросту относящее к глаголу *отсутствовать*. Русские лексикографы склонны определять в самом общем смысле «отсутствие» как «положение дел».

Английская лексикография характеризуется несколько большим разнообразием в трактовке слова *absence*: 1) the state of being away; 2) an occasion or period of being away; 3) the fact of not existing, lack; 4) a time when sb is away; 5) the fact that sb is not in the place where people expect them to be; 6) the fact that it doesn't exist; 7) the state of being without sth, 8) non-existence, lack. Но и в английском языке метаязык словарных определений можно суммировать как набор отвлеченных метапонятий – the state of, the fact of, an occasion of, перемежаемых темпоральными time/period. Напрашивается естественное объяснение отвлеченности, недостаточности определяющей конкретики у главных толкующих слов: анализируемый концепт есть не что иное, как охватывание множества весьма различных ситуаций (тракуемых как «факт», «случай, когда...», «положение дел» и т. п.). Парадоксально, но в этих ситуациях в фокусе внимания оказывается то, чего нет или не хватает, недостает. Тем не менее, несмотря на всю свою абстрактность, исследуемые концепты в обоих языках располагаются в окраинных, периферийных рамках конкретности: отсутствие все-таки входит в пределы восприятия, ср.:

(1) 'It wasn't until we **noticed the absence of female customers**, the dim red lights, and the photos of naked women on the walls that we realised why the 'barmaids' were laughing at us' [17].

(2) Винт еще не окончился, но **их отсутствие было замечено** [18].

Эта способность «отсутствия» характеризовать человеческое бытие в физической реальности подтверждает его принадлежность к области онтологических категорий.

Вопреки сильной обобщенности и скудости словарных дефиниций анализ толкований имен *отсутствие* и *absence* и их контекстных употреблений позволил выделить ряд существенных, доминантных признаков концептов «отсутствие/absence», которые очерчивают круг родственных для отсутствия концептов (см. подробно в [19]). И здесь уместно отметить, что эти родственные концепты также представляют собой не менее фундаментальные концепты человеческого универсального опыта: наличие, пространство, существование/несуществование, время, бытие/небытие, обладание/необладание и, наконец, отрицание.

2. *Роль отрицания в формировании категории отсутствия.* Категория отсутствия самым тесным образом связана с категорией отрицания, поэтому одна из задач статьи – рассмотреть ту роль, которую отрицание играет в формировании категории отсутствия.

Категория отрицания представляет собой универсальную языковую категорию, свойственную каждому языку. В конкретном языке у категории отрицания обнаруживаются специфические особенности как в отношении системы используемых языковых форм, так и в отношении их реального функционирования. В исследованиях по лингвистике можно обнаружить множество работ, посвященных характеристике и функционированию этой фундаментальной категории. Ее исследованием занимались многие российские и зарубежные ученые (В. Г. Адмони, Ш. Балли, А. И. Бахарев, Н. Н. Болдырев, В. Н. Бондаренко, В. В. Виноградов, В. В. Вишненкова, А. П. Володин, О. Есперсен, Е. В. Падучева, А. М. Пешковский, В. Н. Пилатова, М. А. Таривердиева, В. С. Храковский, Е. И. Шендельс и др.).

Вопросы, которые рассматривались в рамках исследования отрицания, разнообразны: делались попытки определить в понятийном отношении языковое и логическое отрицания, их соотношение, способы и формы выражения этой категории в языках, взаимоотношение категорий модальности и отрицания, функцию отрицания в структурировании высказываний.

Принято считать, что логическая операция отрицания и философская категория отрицания являются базисом лингвистической интерпретации отрицания. Сближает логическую и языковую интерпретацию отрицания тот очевидный факт, что отрицание представляет собой важнейшую мыслительную, когнитивную операцию. Поэтому логическое отрицание не может не выражаться и в

естественном языке, но языковое выражение не является тождественным логическому отрицанию, поскольку в формальной логике операция отрицания изучается независимо от способов и форм выражения.

В наши дни когнитивная лингвистика является одним из основных направлений в языкознании. В проблемную область лингвистической когнитивистики входят вопросы о приобретении, сохранении, анализе, интерпретации и усвоении человеческим существом информации о мире и о самом себе посредством языка. В когнитивной лингвистике проблемами отрицания занимались Н. Н. Болдырев (см., например: [1, 4, 7]), И. А. Илюхина [20], В. Н. Пилатова [21]. Так, при изучении фразеологической семантики обнаруживается, что в грамматическое и когнитивное отрицание делает вклад и культурный компонент [20]. В. Н. Пилатова [21] отмечает, что на совокупность семантически отрицательных форм правомерно смотреть как на концептуальную универсалию, континуально-дискретное явление: семантика языка континуальна, а языковые формы (концептуальный инвентарь) ее манифестации дискретны. Вариативность при передаче значения отрицания носит континуальный характер. Однако каждый вариант отрицания дискретен по той причине, что вариативность обусловлена функционально.

В когнитивных исследованиях в целом концептуализация и категоризация рассматриваются среди основных когнитивных процессов, обладающих свойством единообразия и восходящих к единым законам, которые позволяют утверждать, что языковая категоризация опирается на три системы: лексическую, грамматическую и модусную (интерпретирующую). Модусная категоризация считается не столь детально изученной в когнитивной науке о языке по сравнению с другими типами категоризации. Глубокий анализ модусных категорий предлагается в работах Н. Н. Болдырева [1, 4, 7, 8]. Именно к модусным категориям следует относить отрицание.

В структуре концепта «отрицание» обнаруживается ряд основных характеристик: *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция*. Таким образом, делается вывод о том, что благодаря особенностям содержания и структуры «отрицание» представляет собой очень сложный концепт, играющий особую роль как механизм языковой концептуализации знаний и путей представления знаний в коммуникативной (речевой) деятельности [1]. Однако с точки зрения выражения собственно знаний о мире Н. Н. Болдырев называет данный концепт «пустым», так как он не обладает собственной информацией о реальном мире, но приобретает опре-

деленное содержание при соотнесении с другим концептом или концептуальной структурой; из самого его названия следует, что он является продуктом сознания человека, результатом концептуализации определенной коммуникативной функции, так как в реальном мире «отсутствия существования или наличия» нет, и только человек постулирует его, выражая свое восприятие определенной ситуации в процессе общения. Н. Н. Болдырев развивает такую мысль, которая представляется особенно значимой при обсуждении корреляции онтологической категории отсутствия и категории отрицания. Будучи модусным концептом, «отрицание» не существует отдельно от концептуальных областей его определения, а представляет вместе с ними единое знание, т. е. представляет собой вторичный концепт [1].

Именно «пустота» самого концепта отрицания, его вторичность, его «неотдельность» от полноценных онтологических концептов объясняет, как нам представляется, его очевидную встроенность в концепт «отсутствие/absense». Как отмечалось выше, при всем чрезвычайном разнообразии ситуаций отсутствия объединяет их в единую категорию именно отрицание наличия/существования находящегося в коммуникативном фокусе объекта любой природы: *ее отсутствие (her absence¹), отсутствие собаки (the absence of a dog), отсутствие любви (the absence of love), отсутствие реформ (the absence of reforms), отсутствие доказательства (the absence of proof), отсутствие света (the absence of light), отсутствие денег (the absence of money), отсутствие крыши (the absence of the roof), отсутствие войны (the absence of war)* и т. п. Этот список можно продолжать практически до бесконечности, так как отсутствующими разнообразными объектами (того, чего (кого) нет в обсуждаемой ситуации) могут быть одушевленные или неодушевленные существа, чувства, преобразования в различных сферах социальной жизни, природные феномены, материальные предметы, части материальных конструкций/строений, (вооруженные) действия, коммуникативные феномены в виде доводов и фактов и т. д.

При обращении к словарным толкованиям имен категории отсутствия в обывденной картине мира русского и английского языков обнаруживается типичность «апофатических» толкований, толкований через отрицание. Активно используются отрицания либо посредством лексики с отрицательной приставкой не- (ненахождение, неявка, несуществование), либо посредством предикатного отрицания с частицей «не» (не иметься в наличии)

¹ Примеры на английском языке взяты из иллюстративного материала указанных толковых словарей английского языка или являются фрагментами предложений из корпуса BNC.

и предикативного слова «нет» (нет в наличии); ср. в английском: non-existence, the fact that it doesn't exist, the fact of sb (sth) not being there и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что в английской лексикографической практике при толковании слова *absence* могут быть использованы и утвердительные комментарии, которые, содержат два ключевых признака – *away* и *lack*; ср., например: the state or a period of being away; (of) non-existence; lack. Однако сами по себе слова *away* и *lack* часто толкуются через отрицание. Подобно толкуемому с его помощью слову *absence* наречие *away* объясняется посредством предикатного отрицания: not to be here, акцентируя пространственный дейксис в семантике отсутствия. Слово *lack* также является одним из центральных компонентов толкования отсутствия, оно включает два смысла – недостаточное количество чего-либо и (или) его полное отсутствие, которые могут быть представлены в нерасчлененном виде: the state of not having sth or not having enough of it. Слово *lack* выражает идею недостаточности, ведущей к нарушению нормы или положения вещей, т. е. функциональной недостаточности; именно эта идея сохраняется в смысловом отношении в концепте отсутствия.

Заключение

В результате языковой категоризации возникают категории различного типа, определяющие основу познавательных процессов. Вхождение естественно-языковых категорий в социально и культурно принятую систему предполагает их взаимосвязь, несмотря на достаточно различную природу. Так, онтологическая категория отсутствия при формировании концепта «отсутствие/absence» опирается на модус отрицания, который позволяет интерпретировать отсутствие во всех его различных признаках (см. подробное перечисление и описание признаков концепта «отсутствие/absence» в [19]), ср., например: *a complete absence of any emotions* (признак экзистенционального отсутствия, т. е. несуществования эмоций); *в его отсутствие* (признак временного отсутствия, т. е. во время, когда человека нет); *the absence of the little name-plate outside the door* (признак пространственного отсутствия, т. е. ненахождения объекта в пространстве на определенном месте); *ощущал ее отсутствие* (признак недоступности, недостижимости, имеющий непосредственное выражение в эмоциональной сфере в виде переживания, чувствования) и т. д.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60, № 33 (248). С. 11–16.
2. Верхотурова Т. Л. Лингвистический статус языка науки (к вопросу о языковом детерминизме) // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 65–86.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс. 1974.
4. Болдырев Н. Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 С. 5–14.
5. Taylor J. R. Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon Press, 1989.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 5–14.
8. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.
9. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: ИГЛУ, 2007.
10. Бондаренко А. В. Лингвистическая онтология от античности до наших дней // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 30, № 10 (148). С. 15–21.
11. Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ Медиа, 2016.
12. Givón T. On understanding grammar. New York: Academic Press, 1979.
13. Maturana H. R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument // *The Irish Journal of Psychology*. 1988. Vol. 9, № 1. P. 25–82.
14. Переверзев К. А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 256–267.
15. Верхотурова Т. Л. Лингвофилософская природа метакатегории «наблюдатель»: дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2009. 290 с.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 190 с.
17. BNC. British National Corpus: URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 24.03.2019).
18. НКРЯ. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения: 03.04.2019).
19. Верхотурова Т. Л. Особенности универсальной категории отсутствия // Вестн. МГЛУ. 2015. Вып. 21. С. 72–84.

20. Илюхина И. А. Когнитивные основы формирования культурной коннотации отрицательной фразеологической семантики: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2010. С. 230.
21. Пилатова В. Н. Экспрессивное отрицание в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 183.

Список словарей

1. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. СПб.: Норинт, 1998.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. (Буква О). URL: azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkoviy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-o/3243 (дата обращения 03.02.2019).
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.).
6. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman Dictionaries, 1990.
7. Longman Language Activator Dictionary. London: Longman Dictionaries, 1996.
8. Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 04.05.2019).
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (дата обращения: 04.05.2019).
10. Oxford Wordpower Dictionary. New 3rd edition. Oxford University Press. 2006.

Верхотурова Татьяна Леонтьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003). E-mail: office@admin.isu.ru, taverkh@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-39-46

ONTOLOGICAL AND MODUS CATEGORIES CORRELATION: ABSENCE AND NEGATION

T. L. Verkhoturova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction. Categories, traditionally studied in philosophy, got into the sphere of linguistic interests with the development of cognitive investigations in linguistics, motivated by the fact that cognitive process of category formation is completed with the acquisition by the category of its name. Among various types of categories relevant for cognitive studies ontological and modus categories are found, some of them are formed and function due to cross-correlation.

Aim. The article is devoted to the analysis of the ontological category of absence (and its concept) and to the inquiry into functional interdependence of absence and the modus category of negation on the material of the Russian and English languages.

Material and methods. Conceptual and semantic derivation in the field of scientific terminology caused the philosophical notion “ontological” to develop a new meaning in the context of the notion “category”. The scientific terminological word combination “ontological category” has rather a strong position in the linguistic methodology. The attribute “ontological” specifies the type of categories that are singled out from the universal continuum of human being (language world view). Absence refers to the sphere of ontological categories of a more general, abstract group (process, state, quality, object, etc.). The corresponding concept “otsutstviye/absence” is a universal and abstract knowledge structure of basic human experience. Although the vocabulary definitions of the concept names otsutstviye and absence are extremely generalized, the contexts in which the words can be used, highlight the dominant features of the concept, pointing to the related fundamental concepts, negation as a modus category being among them. Modus concepts exist jointly with their attributive conceptual fields. “Emptiness” of the concept of negation accounts for its being built in the concept of absence, their joint representation of unified, integrated knowledge.

Conclusion. The investigation helps to clarify the specificity of ontological and modus categories interaction. It can be used to develop theoretical courses on cognitive studies in linguistics, lexicology, conceptology.

Keywords: *ontological category, modus category, absence, negation, concept, function and structure of concept.*

References

1. Boldyrev N. N. Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [Interpretational function of language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*, 2011, vol. 60, no. 33 (248), pp. 11–16 (in Russian).
2. Verkhoturova T. L. Lingvisticheskiy status yazyka nauki (k voprosu o yazykovom determinizme) [Linguistic status of science language (to the question of language determinism)]. *Studia linguistica cognitive. Vyp. 2: Nauka o yazyke v izmenyayushcheyseya paradigme znaniya* [Studia linguistica cognitive. vol. 2: Language science in the changing paradigm of knowledge]. Irkutsk, BGUEP Publ., 2009. Pp. 65–86 (in Russian).

3. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974 (in Russian).
4. Boldyrev N. N. Kontseptualizatsiya funktsii otritsaniya kak osnova formirovaniya kategorii [The conceptualization of the function of negation as the basis for the formation of a category]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2011, no. 1, pp. 5–14 (in Russian).
5. Taylor J. R. *Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory*. Oxford, Clarendon Press, 1989.
6. Kubryakova E. S. *Yazyk i znaniye: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochkoy zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004 (in Russian).
7. Boldyrev N. N. Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy [The role of interpretational function in the formation of language categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2006, no. 3, pp. 5–14 (in Russian).
8. Boldyrev N. N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v yego funktsiyakh, yedinit'sakh i kategoriyakh [Language anthropocentrism in its functions, units, and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2015, no. 1, pp. 5–12 (in Russian).
9. Semenova T. I. *Lingvisticheskiy fenomen kazhimosti* [Linguistic phenomenon of seemingness]. Irkutsk, IGLU Publ., 2007 (in Russian).
10. Bondarenko A. V. Lingvisticheskaya ontologiya ot antichnosti do nashikh dney [Linguistic ontology from ancient times to this day]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*, 2009, vol. 30, no. 10 (148), pp. 15–21 (in Russian).
11. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow-Berlin, Direkt Media Publ., 2016 (in Russian).
12. Givón T. *On understanding grammar*. N. Y., Academic Press, 1979.
13. Maturana H. R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument. *The Irish Journal of Psychology*, 1988, vol. 9, no. 1, pp. 25–82.
14. Pereverzev K. A. Prostranstva, situatsii, sobytiya, miry: k probleme lingvisticheskoy ontologii [Spaces, situations, events, worlds: to the problem of linguistic ontology]. In: Arutyunova N. D., Levontina I. B. (Responsible editor) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. Pp. 256–267 (in Russian).
15. Verkhoturova T. L. *Lingvofilosofskaya priroda metakategorii "nablyudatel'"*. Dis. dokt. filol. nauk [Linguistic and philosophical nature of the metacategory "observer". Diss. doct. of philol. sci.]. Irkutsk, 2009. 290 p. (in Russian).
16. Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2001 (in Russian).
17. BNC. *British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 24 March 2019).
18. NKRYa. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus] (in Russian). URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html> (accessed 3 April 2019).
19. Verkhoturova T. L. Osobennosti universal'noy kategorii otsutstviya [Peculiarities of the universal category of absence]. *Vestnik MGLU – Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2015, vol. 21, pp. 72–84 (in Russian).
20. Ilyukhina I. A. *Kognitivnyye osnovy formirovaniya kul'turnoy konnotatsii otritsatel'noy frazeologicheskoy semantiki*. Dis. kand. filol. nauk [Cognitive basis of cultural connotation formation in phraseology semantics. Diss. cand. of philol. sci.]. Astrakhan, 2010. 230 p. (in Russian).
21. Pilatova V. N. *Ekspressivnoye otritsaniye v sovremennom angliyskom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Expressive negation in the Modern English language. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2002. 183 p. (in Russian).

Dictionaries

1. Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: A – Ya* [The big Russian monolingual dictionary]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998 (in Russian).
2. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. (Bukva O)* [The monolingual dictionary of the great living language. (Letter O)] (in Russian). URL: azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-yazyka-v-i-dalja-bukva-o/3243 (accessed 3 February 2019).
3. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [A new dictionary of the Russian language. Definitions and word-derivation]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000 (in Russian).
4. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka. Pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Yu. Shvedovoy* [The Russian language dictionary. Edited by N. Yu. Shvedova, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985 (in Russian).
5. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Russian monolingual dictionary]. Moscow, Soetskaya entsiklopediya; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. Publ., 1935–1940 (4 vol.).
6. *Longman Dictionary of Contemporary English*. London, Longman Dictionaries, 1990.
7. *Longman Language Activator Dictionary*. London, Longman Dictionaries, 1996.
8. *Merriam-Webster*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed 4 May 2019).
9. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (accessed 4 May 2019).
10. *Oxford Wordpower Dictionary*. New 3rd edition. Oxford University Press. 2006.

Verkhoturova T. L., Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).
E-mail: office@admin.isu.ru, taverekh@mail.ru